когда они, уже не умѣщаясь болѣе въ яйцахъ, начнутъ пробивать ихъ клювомъ и сами выходить изъ нихъ.

То же съ вопросомъ о томъ, наступило ли или не наступило для людей время уничтоженія государственной формы и замѣны ея новой. Если человѣкъ, вслѣдствіе выросшаго въ немъ высшаго сознанія, не можетъ уже болѣе исполнять требованій государства, не умѣщается уже болѣе въ немъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не нуждается болѣе въ огражденіи государственной формой, то вопросъ о томъ, созрѣли ли люди до отмѣны государственной формы, или не созрѣли, рѣшается совсѣмъ съ другой стороны и такъ же неоспоримо, какъ и для птенца, вылупившагося изъ яйца, въ которое уже никакія силы міра не могутъ вернуть его, — самими людьми, выросшими уже изъ государства и никакими силами не могущими быть возвращенными въ него.

«Очень можетъ быть, что государство было нужно и теперь нужно для всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя вы приписываете ему», говоритъ человѣкъ, усвоившій христіанское жизнепониманіе, «знаю только то, что съ одной стороны мнѣ не нужно болѣе государство, съ другой я не могу болѣе совершать тѣ дѣла, которыя нужны для существованія государства. Устраивайте для себя то, что нужно вамъ для вашей жизни, я не могу доказывать ни общей необходимости, ни общаго вреда государства, я знаю только то, что мнѣ нужно и не нужно, что мнѣ можно и нельзя. Я знаю про себя, что мнѣ не нужно отдѣленіе себя отъ другихъ народовъ и потому я не могу признавать своей исключительной принадлежности къ какому либо народу и государству и подданства какому либо правительству; знаю про себя, что мнѣ не нужны всѣ тѣ правительственныя учрежденія, которыя устраиваются внутри государствъ, и потому я не могу, лишая людей нуждающихся въ моемъ трудѣ, отдавать его въ видѣ подати на ненужныя мнѣ и, сколько я знаю, вредныя учрежденія; я знаю про себя, что мнѣ не нужны ни управленія, ни суды, производимые насиліемъ, и потому я не могу участвовать ни въ томъ, ни въ другомъ; я знаю про себя, что мнѣ не нужно ни нападать на другіе народы, убивая ихъ, ни защищаться отъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, и потому я не могу участвовать въ войнахъ и приготовленіяхъ къ нимъ. Очень можетъ быть, что есть люди, которые не могутъ не считать всего этого нужнымъ и необходимымъ, я не могу спорить съ ними, я знаю только про себя, за то несомнѣнно знаю, что мнѣ этого не нужно и что я этого не могу дѣлать. И не нужно это мнѣ, и не могу я этого дѣлать не потому, что мнѣ, моей личности такъ хочется, а потому, что этого не хочетъ Тотъ, кто послалъ меня въ жизнь и далъ мнѣ несомнѣнный законъ для руководства въ этой жизни».

Какіе бы доводы не приводили люди въ пользу того, что вредно упразднить государственную власть и что упраздненіе это можетъ породить бѣдствія, люди, выросшіе уже изъ государственной формы, уже не могутъ вмѣститься въ ней. И сколько бы и какіе бы доводы не приводили человѣку, выросшему изъ государственной формы, о необходимости ея, онъ не можетъ вернуться къ ней, не можетъ принимать участія въ дѣлахъ, отрицаемыхъ его сознаніемъ, какъ не могутъ выросшіе птенцы вернуться въ скорлупу, изъ которой они выросли.

«Но если это и такъ», говорятъ защитники существующаго строя, «то все таки упраздненіе государственнаго насилія возможно и желательно бы было тогда, когда бы всѣ люди стали христіанами. До тѣхъ же поръ, пока этого нѣтъ, пока среди людей, только называющихся христіанами, есть люди не христіане, люди злые, для своей личной похоти готовые нанести вредъ другимъ, упраздненіе государственной власти не только не было бы благомъ для остальныхъ людей, но только увеличило-бы ихъ бѣдствіе. Упраздненіе государственной формы жизни нежелательно не только тогда, когда будетъ малая часть истинныхъ христіанъ, но оно нежелательно даже тогда, когда всѣ будутъ христіанами, но въ средѣ ихъ или вокругъ ихъ, въ другихъ народахъ, останутся не христіане, потому что не христіане будутъ безнаказанно грабить, насиловать, убивать христіанъ и сдѣлаютъ ихъ жизнь мучительною. Будетъ только то, что злые будутъ безнаказанно властвовать надъ добрыми и насиловать ихъ. И потому государственная власть не должна быть упразднена до тѣхъ поръ, пока не уничтожатся всѣ злые, хищные люди на свѣтѣ. А такъ какъ этого, если не никогда, то еще долго не можетъ быть, то не смотря на попытки освобожденія отдѣльныхъ христіанъ отъ государственной власти, власть эта для большинства людей должна быть поддерживаема». Такъ говорятъ защитники государства. «Безъ государства злые насилуютъ добрыхъ и властвуютъ надъ ними. Государственная же власть даетъ возможность добрымъ удерживать злыхъ», говорятъ они.

Но утверждая это, защитники существующаго строя уже впередъ рѣшаютъ справедливость того положенія, которое имъ нужно доказать. Говоря то, что безъ государственной власти злые властвовали-бы надъ добрыми, они считаютъ доказаннымъ то, что добрые это тѣ самые, которые въ настоящее время обладаютъ властью, и